

Дверь. Ги де Мопассан

– О, – воскликнул Карл Массулини, – вопрос о снисходительных мужьях – вопрос очень трудный! Конечно, я видел их немало, и самых различных, однако не мог прийти к определенному мнению ни об одном. Я часто пытался выяснить, действительно ли они слепы, или прозорливы, или же просто слабохарактерны. Думаю, что их можно разбить на эти три категории.

Не будем останавливаться на слепых. Впрочем, они вовсе не снисходительны, они просто ничего не знают; это добрые простаки, не видящие дальше своего носа. Однако интересно и любопытно отметить, с какой легкостью мужчины, решительно все мужчины, и даже женщины, все женщины, позволяют себя обманывать. Мы поддаемся на любую хитрость окружающих – наших детей, наших друзей, слуг, поставщиков. Человек доверчив, и для того чтобы заподозрить, отгадать или разрушить козни других, мы не пользуемся и десятой долей того лукавства, к какому прибегаем, когда сами хотим кого-нибудь обмануть.

Прозорливых мужей можно разделить на три разряда. Это, прежде всего, те, кто находит выгоду – выгоду для кошелька, для самолюбия или для чего-нибудь другого – в том, чтобы у жены был любовник или любовники. Такие требуют лишь, чтобы сколько-нибудь соблюдалась приличия, и этим удовлетворяются.

Затем беснующиеся. Об этих можно было бы написать великолепный роман.

И, наконец, слабые, – те, что боятся скандала.

Есть, кроме того, бессильные или, скорее, усталые, которые бегут от супружеского ложа из боязни атаки или апоплексического удара и мирятся с тем, что на эту опасность идет приятель.

Лично я знал одного супруга чрезвычайно редкой разновидности, который предохранял себя от общего несчастья остроумным и оригинальным способом.

Я познакомился в Париже с одной элегантною, светской, всюду принятой четой. Жене, очень живой, высокой, худенькой, окруженной массой поклонников, молва приписывала кое-какие приключения. Она мне нравилась своим остроумием, и я, кажется, также нравился ей. Я попытался поухаживать пробы ради, она ответила явным поощрением. Вскоре мы дошли до нежных взглядов, рукопожатий, до всех тех маленьких любовных ласк, которые предшествуют решительному приступу.

Однако я колебался. Я убежден, что большинство светских связей, даже мимолетных, не стоят ни того зла, которое они нам приносят, ни тех неприятностей, которые могут возникнуть впоследствии. Я уже мысленно взвешивал удовольствия и неудобства, каких мог желать и опасаться, когда мне показалось вдруг, что ее муж что-то подозревает и наблюдает за мной.

Однажды вечером на балу, в то время как я нашептывал молодой женщине нежности, сидя в маленькой гостиной, рядом с залом, где танцевали, я заметил вдруг в зеркале отражение лица, которое выслеживало нас. Это был он. Наши взгляды встретились, и я увидел, все в том же зеркале, как он повернулся и ушел.

Я прошептал:

– Ваш муж следит за нами.

Она, по-видимому, удивилась.

– Мой муж?

– Да, уже несколько раз он подсматривал за нами.

– Да неужели? Вы уверены в этом?

– Вполне уверен.

– Как странно! Обыкновенно он как нельзя более любезен с моими друзьями.

– Может быть, это потому, что он догадался о моей любви к вам.

– Что вы! Ведь не вы первый ухаживаете за мной. За каждой женщиной, хоть сколько-нибудь заметной, тянется целая стая воздыхателей.

– Да, но я люблю вас глубоко.

– Предположим, что это правда. Но разве мужья догадываются когда-нибудь о подобных вещах?

– Значит, он не ревнив?

– Нет... нет...

Она подумала минуту и прибавила:

– Нет... Я никогда не замечала, чтоб он был ревнив.

– Он никогда... никогда не следил за вами?

– Нет... Я вам уже сказала, что он очень любезен с моими друзьями.

С этого дня мое волокитство стало настойчивее. Меня не так уж интересовала жена, как искушала возможная ревность мужа.

Что касается жены, я оценивал ее трезво и хладнокровно. Она обладала несомненным светским очарованием благодаря живому, веселому, милому и поверхностному уму, но в ней не было настоящего и глубокого обаяния. Как я уже сказал вам, она была веселая, эффектная, слишком, быть может, подчеркнута элегантная. Как бы лучше объяснить? Это была... это была декорация, но не настоящее жилище.

Однажды, когда я обедал у них и собрался уже уходить, ее муж сказал мне:

– Милый друг (с некоторого времени он обходился со мной как с другом), мы скоро уезжаем в деревню. Нам с женой доставляет большое удовольствие видеть у себя тех, кого мы любим. Не хотите ли приехать к нам погостить на месяц? С вашей стороны это будет очень мило.

Я был поражен, но согласился.

Месяц спустя я приехал к ним в имение Верткрессон, в Турени.

Меня ждали на вокзале, в пяти километрах от замка. Их было трое: она, ее муж и какой-то незнакомый господин, оказавшийся графом де Мортерад, которому меня представили. Граф как будто был в восторге от знакомства со мною. Самые странные мысли приходили мне в голову, пока мы крупной рысью ехали по красивой дороге между двумя рядами живой изгороди. Я спрашивал себя: «Что бы это значило? Ведь муж не сомневается в том, что его жена и я нравимся друг другу, и, однако, приглашает меня к себе, принимает как близкого приятеля и точно говорит: смелее, смелее, мой милый, дорога свободна!»

А затем меня знакомят с этим господином, видимо, своим человеком в доме, и... и тот желает, кажется, уже уехать, причем, так же как и супруг, доволен, по-видимому, моим приездом.

Не предшественник ли это, жаждущий отставки? Пожалуй. Но в таком случае мужчины заключили друг с другом некое соглашение, один из этих маленьких договоров, отвратительных, но удобных и столь распространенных в обществе. Мне молчаливо предлагали войти в это сообщество в качестве заместителя. Мне протягивали руки, мне открывали объятия. Мне распахивали все двери и все сердца.

А она? Загадка! Она должна знать обо всем, она не может не знать. А между тем... между тем...»

Я ничего не понимал!

Обед прошел весело и очень сердечно. Выйдя из-за стола, муж и приятель занялись игрой в карты, а я с хозяйкой дома отправился на крыльцо полюбоваться лунным светом. Природа, по-видимому, очень возбуждала ее чувства, и я подумал, что минута моего счастья уже недалека. В этот вечер я находил ее поистине очаровательной. Деревня сделала ее нежнее, вернее, истомленнее. Ее высокая тонкая фигура была прелестна на фоне каменного крыльца, возле большой вазы с каким-то растением. Мне хотелось увлечь ее под деревья, припасть к ее коленям и шептать слова любви.

Муж окликнул ее:

– Луиза!

– Да, мой друг.

– Ты забыла о чае.

– Иду, мой друг.

Мы вернулись, и она приготовила нам чай. Мужчины, окончив игру в карты, явно захотели спать. Пришлось разойтись по комнатам. Я заснул очень поздно и спал плохо.

На другой день решено было совершить после завтрака прогулку, и мы отправились в открытом ландо смотреть какие-то развалины. Мы с ней сидели в глубине экипажа, муж и граф – напротив нас.

Все болтали живо, весело и непринужденно. Я сирота, и мне показалось, что я нашел родную семью: до такой степени я чувствовал себя дома среди них.

Вдруг она протянула ножку к ногам мужа, и он промолвил тоном упрёка:

– Луиза, прошу вас, не донашивайте здесь своих старых ботинок! В деревне незачем одеваться хуже, чем в Париже.

Я опустил глаза. Действительно, на ней были старые, стоптанные ботинки, и я заметил также, что чулок плохо натянут.

Она покраснела и спрятала ногу под платье. Друг смотрел вдаль с равнодушным видом, ни на что не обращая внимания. Муж предложил мне сигару, и я закурил.

В течение нескольких дней мне ни на минуту не удавалось остаться с ней наедине: муж повсюду следовал за нами. Впрочем, со мною он

Был очень мил.

И вот как-то утром до завтрака он зашел ко мне и предложил прогуляться. Мы заговорили о браке. Я сказал несколько фраз об одиночестве и что-то такое о совместной жизни, которую нежность женщины делает столь очаровательной. Он вдруг прервал меня:

– Мой друг, не говорите о том, чего вы совершенно не знаете. Женщина, не заинтересованная в любви к вам, любит недолго. Всякое кокетство, делающее ее обворожительной, пока она нам окончательно не принадлежит, тотчас же прекращается, как только это случилось. И к тому же... честные женщины... то есть наши жены... они не... у них не хватает... словом, они плохо знают свое женское ремесло. Вот... что я хочу сказать.

Он ничего больше не прибавил, и я не мог угадать его настоящих мыслей.

Дня два спустя после этого разговора он позвал меня рано утром в свою комнату, чтобы показать коллекцию гравюр.

Я уселся в кресло напротив огромной двери, отделявшей его половину от комнат жены. За этой дверью я слышал движение, шаги и вовсе не думал о гравюрах, хотя поминутно восклицал:

– О, великолепно! Очаровательно, очаровательно!

Внезапно он сказал:

– Но тут рядом у меня есть настоящая редкость. Я вам покажу сейчас.

И он бросился к двери, обе половинки которой распахнулись разом, как бывает на сцене.

В огромной комнате, среди беспорядочно разбросанных по полу юбок, воротничков, корсажей, стояло высокое, сухопарое, растрепанное существо в какой-то старой измятой шелковой юбке, натянутой на тощие бедра, и причесывало перед зеркалом светлые короткие и жидкие волосы.

Локти ее торчали двумя острыми углами, и когда она в испуге обернулась, я увидел под простой полотняной рубашкой плоскую грудь, маскируемую на людях фальшивым ватным бюстом.

Муж очень естественно вскрикнул, затворил за собой дверь и произнес с удрученным видом:

– О, боже мой, какой я дурак! Какой глупец! Жена никогда не простит мне этой оплошности!

А мне хотелось поблагодарить его.

Три дня спустя я уехал, горячо пожав руки обоим мужчинам и поцеловав руку жены, очень холодно простившейся со мной.

Карл Массулиньи умолк.

Кто-то задал вопрос:

– Но кто же был этот друг дома?

– Не знаю... Тем не менее... тем не менее он был очень огорчен, что я так скоро уезжаю.

Примечания

1 Напечатано в «Жиль Блаз» 3 мая 1887 года.